

ОТЦОВСКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Мой старый двор...
Но всё теперь в нём ново.
Лишь я вошёл – жильцы настороже.
Назвал себя – не знаете такого?
Мы жили здесь,
на первом этаже...

Ещё не знают
и уже не помнят.
И я к деревьям повернусь лицом,
к деревьям, что смотрели в окна комнат,
к деревьям, что посажены отцом.
И будет миг пронзительно печален,
когда качнётся ветка под птенцом,
и я пойму:
они меня узнали –
деревья, что посажены отцом.

ЗАБОРЫ

До чего постарели заборы!
Стали доски темнее земли.
Незаметны на досках узоры,
что древесные соки сплели.

Не осталось от краски последней
ни пятна, ни полоски какой.
О, какой в горьком мареве летнем
здесь царит лопуховый покой!

Где смородина рдела когда-то
и черёмуха рьяно цвела –
лопухи... Что осталось от сада?
Ничего – вот такие дела.

Я иду по заросшей тропинке
в мельтешении узких теней,
и уже не могу без запинки
вспомнить все повороты на ней.

Схватит грусть и мгновенно отпустит.
Мне не память подскажет – чутьё,
что по этой земле в Златоусте
лихо бегало детство мое.

В новых улицах нету соблазна:
вкруг домов никакой городьбы.
И стоят они разнообразно,
и растут они, словно грибы.

Новостройки взбираются в горы,
Птицы радуются щебеча.
А заборы... Да есть и заборы –
из бетона да из кирпича..

ДЕТИ

Дети растут.
Вопреки и без помощи.
Всё перепутали нам и себе.
Всех перессорили – те ещё овощи.
Кто они в нашей нескладной судьбе?
Ученики?
Бунтари?
Привередники?
Или бойцы запасного полка?
Или того горемыки-наследники,
что не растрчено нами пока?

Жаль, нет для времени
касс сберегательных.
Время летит – хоть ты стой на часах!
Ёкнет ли сердце от взглядов взыскательных?
Что мы творили у них на глазах?!

Что мы отныне расскажем хорошего?
Чем поклянёмся?
Покаемся чем?
Всё начинается в прошлом, а прошлого
словно и нету сегодня совсем.

Дерзкими названы,
трудными названы,
взрослым внимающие на бегу,
нам они были бы многим обязаны,
не были б мы перед ними в долгу.

ВЫБОР

Нас пониманье вдруг берёт в полон
и в клочья рвёт однажды убежденье,
что зеркала нужны для подтверждения
того, что ты и молод, и умён...
Какой там молод? Молодость ушла
в тугие зёрна поросли зелёной,
умноженной, а значит, разделённой
надежды на грядущие дела.
...Давным-давно со мной случился миг,
которого на свете не бывает:
вот зеркало моё запотева
и прячет блик, и растворяет лик.
Пот высыхает, возвращая свет...
О, это чудо или наважденье?
Передо мной не просто отраженье,
но отраженье через много лет.
«Ты узнаёшь меня?»
«Да, узнаю.
А ты меня?»
«Я знал, к кому являлся.
Я жизнь прошёл – ты позади остался,
но ты пройдёшь, однако, жизнь мою.
И я хочу помочь тебе, хочу
предостеречь от нескольких ошибок...»

«О нет, не надо, я не так уж хлипок,
и мне ошибки будут по плечу!»
«Ты им, увы, не ведаешь цены.
Чего достиг ты и добился, чтобы
опровергать мой, собственно, твой опыт?
Твои удачи будут солони.
А дальше – что?»
«Чего-нибудь добьюсь».
«Добился бы, когда б меня послушал.
Я потому ход времени нарушил,
что за тебя, наивного, боюсь».
«Ты говоришь, не ведаю цены.
Однако я не ведаю и ставок.
А что, скажи, цена твоих поправок?
А вдруг они – проделки Сатаны?»
«Как посмотреть, ведь Бог и Сатана,
как жизнь и смерть, на свете двуедины.
Не веришь мне – поверь в мои седины...»
«А всё-таки поправкам что цена?»
«Ну что – цена? Ей можно пренебречь.
Любовь и дружба – разве это плата
за славу, что сиятельнее злата,
за обещанья множественных встреч?
За свет удач, за вечный праздник, за...»
Он говорил, но я уже не слушал.
Он говорил, но мне сдавило душу
и сжало сердце. Я закрыл глаза,
и всё пропало, время потекло
и словно растворило наважденье.
Открыл глаза, а вместо отраженья –
всё в трещинах зеркальное стекло.
Теперь живу и десять раз на дню
раздумываю и понять стараюсь:
неужто я когда-нибудь состарюсь
и всё на свете переоценю?
Неужто путь мой неисповедим?
Но, может, зря я вижу тут порочность –
так я себя испытывал на прочность
пред очень важным выбором своим?

Забудешься и побредёшь рассеянно,
как будто бы в завесе дымовой,
по той тропе, которая засеяна
давным-давно травую-муравой.
И вот она почти по пояс выросла,
и тщетно бьётся, тщетно бьётся в ней,
шарахаясь меж правдою и вымыслом,
прохладный ветер памяти моей.
Нет ничего щемящего, знакомого.
Споткнусь и догадаюсь: не к добру.
Услышу песню – не пойму, о ком она,
поскольку слов уже не разберу.
Но ничего, я не поддамся панике.
Пуškai уходят годы, как вода,
но никогда я в жизни не был маленьким,
и здесь я не был тоже никогда.
Зачем прохладным ветром снова дунуло?
Здесь даже пыль – тяжёлая, как ргуть.
...Быть может, детство мы себе придумываем?
Придумываем, чтоб передохнуть?..

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Нагнусь и сорву одуванчик,
вгляжусь в лепестки и пойму:
мой дом – это солнечный зайчик,
взорвавший вселенскую тьму.

Живу и доволен юдолюю,
и счастлив почти оттого.
Пусть дом мой накроют ладонью,
а что там, под ней? – ничего!

Но солнце мелькает, мелькает,
и между дворцов и хором –
то вот он, а то пропадает
мой тёплый сияющий дом.

ГЛАВНЫЙ ФАКТ

Когда мне очень не везло,
я жил работой, и бывало,
что выручало ремесло
и от хандры меня спасало.

Оно меня спасало тем,
что лишь уйдут в работу руки,
ко мне приходят ритм и темп
и перемальвают муки.

Весёлое гуденье мышц
не ошибётся ни на йоту.
И обратится чувство в мысль,
а мысль – в работу.

О, как ритмично дышит грудь!
И понимаешь: в мире тленном
труд, труд и труд – вот жизни суть,
всё прочее – второстепенно.

Второстепенность ссор, разлук,
обида ближней или дальней
под каждый взмах горячих рук
всё явственнее и реальней.

Пусть это даже и не так.
Не так... Но если стало легче,
то остаётся главный факт:
работа лечит.

ВЕЧЕР

Вечер такой, будто время – излишество.
Вот уже сколько минут
медленно дышится, медленно слышится,
медленно тучи плывут.

Медленно звёзды вверху загораются,
медленно стало темней...
Всё – неподвижность.
Нет, всё растворяется,
всё растворяется в ней:
птицы, деревья, пространство воздушное,
чувства, надежды, мечты...
Будто бы всё это было ненужное.
Просто обман суеты.
Стихли в отчаяньи ветры бездомные,
веточки не шелохнут.
Властные, властные токи истомные
с неба на землю текут.
Тишь. Неподвижность.
Покой. Одиночество.
Необъяснимая грусть.
Так позабыться, расслабиться хочется!..
Но раствориться боюсь.